

DOI 10.15393/j9.art.2016.3921

УДК 821.161.1.09“18”

Евгения Сергеевна Куйкина*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

ege@list.ru

КОНЦЕПТ «ТРЕВОЛНЕНИЕ» В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА*

Аннотация. В статье изучаются античные и христианские традиции в стихотворении А. С. Пушкина «Элегия» 1830 года на примере этимологического анализа слова «треволнение», которое традиционно интерпретируется как характеристика душевного состояния лирического героя — «сильное волнение», «беспокойство». Статья расширяет сведения, касающиеся этимологии слова «треволнение», которое является буквальным переводом греческого «τρικύβια», буквально «третья волна». Представляет интерес история бытования слова от древности до современной поэтической традиции и приобретение им новых метафорических смыслов. Приводятся примеры употребления слова «треволнение», а также других морских образов в текстах античных авторов, в произведениях ранних христианских писателей, учителей Церкви. Русская словесная культура явилась наследницей античности и христианства. В статье представлены случаи восприятия греческого слова «τρικύβια» в богослужебных текстах Русской Православной Церкви. При написании стихотворения «Элегия» А. С. Пушкин учитывал многообразие значений слова «треволнение», что позволило поэту объединить античную и христианскую традиции.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Элегия», античные и христианские традиции, морские образы, этимология, семантика

Александр Сергеевич Пушкин очень бережно относился к своему творческому дарованию и был чуток к «прикосновению божественного глагола» [1, 69], трактовал слово «не как произвольное, пустое наименование, но как проявление божественной силы и правды» [4, 89].

Художественное слово обладает глубиной смысла. В «Словаре языка Пушкина» указывается, что слово «треволнение» употреблено поэтом единожды в стихотворении «Элегия» (1830), его значение разъясняется как «сильное волнение, беспокойство»¹. Толкование обусловлено контекстом употребления

языковой единицы. В стихотворении повествуется о раздумьях, ожиданиях и тревогах лирического героя: «И ведаю, мне будут наслажденья / Меж горестей, забот и треволненья...». Принимая во внимание объяснение этого слова в «Словаре языка Пушкина», осмелимся открыть в нем новые смыслы.

Русское слово «треволнение» (церковнославянское **трьвълнѣнїе, треволнѣнїе**) состоит из приставки с усиленным значением **трь-** (**тре-**) (ср. «тресвятой», «тресветлый») и корня **-волн-**. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, префикс **трь-** (**тре-**) восходит к греческому наречию «τρίς» «трижды», а слово **трьвълнѣнїе** является буквальным переводом греческого «τρικυμία»², которое в переводе означает «третья волна (τό κῦμα)». В латинском языке этому слову соответствует выражение «fluctus decumanus», «decima unda» — «десятый вал, десятая волна», в русском языке «девятый вал». В современном греческом языке с древних времен сохраняется первое значение «τρικυμία» — «сильная морская буря»³. Уже в античной поэзии слово «τρικυμία» стало употребляться в метафорических значениях. Например, в таких словосочетаниях, как «κακῶν τρικυμία» — «лавина бедствий» (Эсхил «Прикованный Прометей», 1051), «ἐν ἀπάσαις τρικυμίαις τῆς τύχης» — «во всех житейских бурях» (Лукиан «Похвала Демосфену», 33), «ἡ τρικυμία τοῦ λόγου» — «неудержимый поток слов» (Платон «Евтидем», XXIII)⁴.

В русскую литературную традицию греческое «τρικυμία» перешло в XI веке с прямыми и переносными значениями⁵.

К XIX веку старинное «треволнѣнїе» утверждается в русской прозе преимущественно в переносных значениях. По свидетельству «Словаря современного русского литературного языка», «треволнѣнїе» употреблялось для выражения «сильного волнения, беспокойства, тревоги», чаще во множественном числе в значении «волнующие, тревожные события, заботы, хлопоты, суета»⁶. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля добавляет также важные толкования: «смятенье, колебанье духа»⁷. В поэтической традиции не утрачивается и первоначальное значение морской бури, преимущественно в форме определения: «треволненный океан»

(И. И. Дмитриев «Подражание Горацию»), «с ладьей на треволненном море» (Н. М. Языков «Странный случай»)⁸.

Для поэтического языка Пушкина характерна полисемия. Слово «треволнение» в стихотворении «Элегия» (1830) многозначно, хранит в себе глубокие смыслы. В нем заключаются и вторичное метафорическое значение суеты, беспокойства, тревоги и исходный смысл морского образа: «Сулит мне труд и горе / Грядущего волнуемое море». Использование морских образов для обозначения тяжелых жизненных обстоятельств и душевных переживаний в стихотворении «Элегия», как и в других произведениях (например, «Осень», «Арион»), связано с актуальностью для Пушкина классической поэтической традиции [6].

Роль морской лексики в образной системе античной литературы огромна. Этому вопросу посвящено исследование Т. Г. Мальчуковой «Корабль поэзии» [5], которое наполнено богатыми примерами из произведений греческих и римских авторов. Мы же коснемся только некоторых очень важных, на наш взгляд, замечаний автора. Эллыны — моряки и мореплаватели, воины, колонисты, торговцы — с древних времен жили у моря, сроднились с ним. Согласно наблюдению Т. Г. Мальчуковой, «достаточно рано греки ввели морские образы в поэтическую традицию» [5, 247]. В гомеровском эпосе образы моря и корабля предстают в богатом многообразии. На страницах поэм находим развернутое описание «изогнутых» (ἄμφιέλισσα), «быстрых» (θοός, ὠκύς), «длинновесельных» (δολοχῆρετμος), «краснобоких» (μυλοπάρηρος), «мореходных» (ποντοπόρος), «крутобоких» (κοῖλος), «крепкопалубных» (εὔσελμος) кораблей, движущихся по спокойному или бурному морю, их отправления или прибытия в гавань, действий моряков, особенно в «Одиссее», где тема морских странствий является одной из центральных. В авторском повествовании и в рассказах самого Одиссея «имеется множество описаний плавания корабля в тихом и бурном море, на рассвете и на закате солнца, благополучного прибытия в гавань при ночной темноте, или, напротив, внезапной бури и кораблекрушения» [5, 244]. В поэзии Гомера образы корабля и моря выполняют в повествовании не только прямую функцию, но

и метафорическую — «с бушующей морской стихией сравниваются и битва, и собрание народа, и настроение героев» [8, 360]. Ко времени вступления Пушкина в литературу гомеровский эпос — «исток, источник и образец в истории античной и всех европейских литератур» [7, 6] — был известен Западной Европе и России. С полным переводом «Илиады» познакомился Пушкин в боддинскую осень 1830 года. А в 1833 году поэт приступает к переводу «Одиссеи» с греческого подлинника. «Звуки божественной эллинской речи» волновали душу русского поэта и оказали влияние на язык и стиль произведений Пушкина [5, 242]. Гомер и следующие за ним греческие авторы (например, Архилох, Алкей, Феогнид, Мелеагр), а потом и римские поэты «в образах бури, волн, скал, гавани, корабля, плавания по морю, кормчего и кораблекрушения описывали почти всю действительность» [8, 360], познавали, чувствовали жизнь. Следуя традиции античных поэтов, Пушкин использует морские метафоры в своих стихотворениях. Так, Т. Г. Мальчукова отмечает, что ода Горация «К республике» (I, 14), где Алкееву кораблю в мятежном море уподобляется римское государство, послужила источником морской аллегории в стихотворении Пушкина «Арион» (1827) [5, 258].

Античные трагики сравнивали с волнением на море человеческую душу, обуреваемую страстями, горем, болью, а также человеческую жизнь, в которой часты страдания, несчастья и тяжелые испытания. По наблюдению Т. А. Миллер, «обычным было сравнение жизни с плаванием, бедствия — с бурей, философии — с гаванью, государства — с кораблем» [8, 360].

Морские образы греко-римской поэзии приобретают в поэзии Пушкина христианскую окраску. Примером может послужить стихотворение «Элегия» (1830):

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильнее.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволенья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной⁹.

«Сравнение жизни человека, народа, человечества с морем, чаще бурным, чем спокойным» [5, 267], есть принадлежность не только античной словесной культуры, но и христианской.

Христианские писатели IV века, учителя Церкви, хорошо владели искусством античной риторики, получив образование в Афинах, Антиохии, Александрии (и других культурных центрах) у знаменитых риторов, философов и богословов. Т. Г. Мальчукова отмечает, что «христианство активно использовало жанровые модели и классическую поэтику, в частности, и морские образы греко-римской поэзии в сравнительных функциях и в аллегорических значениях бурной человеческой жизни, божественного земного или небесного спасения, истории народа и церкви» [5, 266]. Дошедшие до нас письма трех святителей Василия Великого (365 писем), Григория Богослова (243 письма) и Иоанна Златоуста (более 200 писем) содержат много богословских рассуждений, а также пастырских наставлений верным и малодушным чадам и врагам. Работа Т. А. Миллер «Образы моря в письмах каппадокийцев и Иоанна Златоуста» [8] посвящена анализу морской лексики в эпистолографическом наследии святителей. «Море», «буря», «волны», «морская болезнь», «судно, потопленное ветрами», «кораблекрушение», «кормчий», «маяк», «гавань» — слова, неоднократно повторяемые в текстах писем великих вселенских учителей, чаще всего употребляются в метафорическом значении для описания своего собственного состояния, скорбей, бед, боли, претерпеваемых адресатом, народом, Церковью.

Русская словесная культура явилась наследницей античности и христианства. Удивительно глубоко и проникновенно восприятие греческого слова «τρικυμία» на русской почве в богослужебных текстах Православной Церкви. И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка»

отмечает употребление слова **трьвьлнѣніе** в Служебной Минее за октябрь 1096 года: «Молимьса всего трьвьлнѣніа избыти»¹⁰. Это слова из Канона Богородицы и святого славного апостола Фомы 6 октября по старому стилю. По свидетельству Писания, апостол Фома, избранный Спасителем в число двенадцати учеников, не поверил воскресению Христа, но впоследствии раскаялся в своем неверии, обошел с проповедью почти всю землю и принял мученическую смерть¹¹. Думается, что слово **трьвьлнѣніе** в древнерусском богослужебном памятнике имеет метафорическое значение беспокоящего душу неверия, сомнения, тяжкого состояния, которое пережил сам апостол Фома, почитаемый Церковью как защитник и избавитель от «искушений, и обстояний, и страстей»¹². Богослужебные тексты Православной Церкви (каноны, акафисты, тропари, молитвы, посвященные Пресвятой Богородице, святым угодникам Божиим) есть богатая духовная сокровищница, бережно хранящая церковнославянский язык и старинные слова в многообразии их значений¹³. Так, в Каноне мучеников в Служебной Минее за октябрь, 12 день, очень важно обращение к святым Прову, Тараху и Андронику, празднование которых совершается в этот день: «Все претерпевше треволнение мук, Небесную тишину получиша»¹⁴. Значение пронзительного, тревожного словосочетания «треволнение мук» может раскрыть житие этих святых мучеников, в котором сказано, что «мученики: Провъ, Тарахъ и Андроникъ пострадали въ 304 г., при императорахъ Діоклитіанѣ и Максиміанѣ. Всѣ трое были знатнаго происхожденія. <...> Трижды подвергали ихъ истязаніямъ, прежде чѣмъ они совсѣмъ были замучены. <...> Истязанія мучениковъ были ужасныя, какія только могла придумать злоба человѣческая. Наконецъ, вывели ихъ на позорище, чтобы предать на растерзаніе звѣрямъ въ виду многочисленнаго народа; но звѣри спокойно легли около мучениковъ. Правитель разгнѣвался и приказалъ бить строителей позорища и перебить самихъ звѣрей, а святыхъ мучениковъ поразить мечомъ. Ихъ разрубили и тѣла раздробили на мелкія части»¹⁵. Таким образом, «треволнение мук» в Каноне обозначает высшую степень страдания, тяжелейшие истязания, ужасные муки святых¹⁶.

Очень важно и характерно определение, которое согласуется со словом «треволнение» в Каноне мучеников Прокла и Илария, память которых совершается 12 июля: «Безпечальную жизнь, Небесную славу, райское наслаждение, свет мысленный, красное радование мученицы, взыскующе, *лютая претерпесте треволнения* (курсив мой. — Е. К.) доблественным умом»¹⁷. Прилагательное «лютый» в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского среди прочих имеет толкования «жестокий», «трудный» (ср. лютое горе)¹⁸. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля добавляет значения — «мучительный, невыносимый, не в меру тяжкий» (ср. лютая боль, скорбь)¹⁹. Таким образом, слово «треволнение» в Каноне мучеников Прокла и Илария имеет метафорическое значение тяжелых страданий, которые мученики претерпели «доблественным умом», то есть храбро и мужественно²⁰.

Кондак (краткое песнопение) Богородице перед Ее иконою «Скоропослушница» содержит в себе важные строки, в которых слово «треволнение» имеет глубокий человеческий смысл: «В мори житейстем обуреваемии, *треволнению* подпадаем *страстей и искушений* (курсив мой. — Е. К.). Подаждь убо нам, Госпоже, руку помощи, якоже Петрови Сын Твой, и ускори от бед избавити ны, да зовем Ти: Радуйся, Всеблагая Скоропослушнице»²¹. Слово «треволнение» в молитвенном песнопении Божией Матери характеризует внутреннее состояние поработанного страстями человека, душевные испытания, уныние, мучительный разлад с ближним, с собой, с Богом. Также сохраняется связь с образом морской бури, благодаря сближению страждущих людей с терпящими бедствие на море («в мори житейстем обуреваемии») и напоминанию о евангельских событиях, хождении Иисуса Христа по водам (Мф. 14:22–36; Мк. 6:45–56; Ин. 6:16–21) («подаждь убо нам, Госпоже, руку помощи, якоже Петрови Сын Твой»).

Пушкин работал над стихотворением «Элегия» в сентябре 1830 года в селе Болдино (Нижегородской губернии). Поэт поехал в Болдино, чтобы привести в порядок свои дела ввиду предстоящей женитьбы и творчески потрудиться, «пользуясь осенним временем, которое он всегда любил» [2, 51]. Вследствие

эпидемии холеры поэт остался в Болдино на целых три месяца. Это была так называемая «Болдинская осень», «проведенная в полном уединении» [2, 52]. Время прилива вдохновения, работоспособности и одновременно время уныния, душевной боли, тягостных, гнетущих переживаний прошлого, настоящего и будущего:

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Однако «горести, заботы и треволнения» принимаются поэтом по-христиански, мужественно. «Обычно люди бегут от страданий, — замечает М. М. Дунаев и предлагает религиозное осмысление стихотворения: — Пушкиным же очищающие душу страдания не отвергаются, но мыслятся как одна из важнейших жизненных ценностей» [3, 220]. Горе духовно преобразует и просветляет душу поэта [9, 111]:

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

В этих строках происходит «соединение античной и христианской концепции жизни в ценностной формуле». По Цицерону, «жить это мыслить» — «vivere est cogitare» («Гускуланские беседы», V, 38, 111), согласно христианской антропологии, «страдать есть смертного удел» [5, 266].

А. С. Пушкин вдумчиво работал над каждым словом стихотворений. В слове «треволнение», в многообразии его значений (от исходного «сильная морская буря» до «беспокойство», «горе», «скорбь»), поэт объединил «огромные культурно-религиозные миры» [5, 266], античность и христианство. Привлечение материалов словарей, памятников античной, ранней христианской и древнерусской литературы для этимологического анализа слова «треволнение», обращение к биографии и творческому наследию А. С. Пушкина позволяет говорить о поступательном движении русской культуры, от язычества к христианству, а также о том, что А. С. Пушкин, как и многие русские мыслители, видел в античности основание, на котором выросла христианская культура.

Примечания

- * Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX–XX вв.» (№ 34.1126).
- ¹ Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. Т. 4. С. 573.
 - ² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. акад. РАН О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М.: Астрель; АСТ, 2007. С. 95, 97.
 - ³ Μπαπλιιώτη Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας: με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων: ερμενευτικό: ορθογραφικό: ετυμολογικό: συνωνύμων-αντιθέτων: Κυρίων Ονομάτων: επιστημονικών όρων: ακρωνυμίων. Τετάρτη έκδοσης. Αθήνα: ΚΕΝΤΡΟ ΛΕΞΙΚΟΛΟΓΙΑΣ Ε. Π. Ε., 2012. S. 1815.
 - ⁴ Примеры заимствованы из статьи Т. Г. Мальчуковой «Корабль поэзии: к вопросу об источниках пушкинских морских образов» // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII–XIX вв.: сб. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 267.
 - ⁵ Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы. М.: ГЛК Ю. А. Шичалина, 2008. С. 361–362.
 - ⁶ Словарь современного русского литературного языка / АН СССР; Ин-т рус. яз. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 15. С. 866, 867.
 - ⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Терра, 2000. Т. 4. С. 826.
 - ⁸ Словарь современного русского литературного языка. С. 866, 867.
 - ⁹ Текст приводится по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 3. С. 178.
 - ¹⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: [в 3 т.]. М.: Знак, 2003. Т. 3. С. 1015.
 - ¹¹ Жития святых, празднуемых Православною Греко-Российскою Церквю поименованных в месяцеслове Св. Синода и других месяцесловах, и сказания о всех праздниках Православной Церкви и чудотворных иконах Пресвятой Богородицы с приложением общих тропарей праздникам и святым / сост. священник и законоучитель Иоанн Бухарев. М.: Отчий дом, 1999. С. 510–511.
 - ¹² Миняя: октябрь. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. С. 174.
 - ¹³ Акафист святителю и чудотворцу Николаю, архиепископу Мирликийскому, являет пример употребления слова «треволнение» в церковных текстах в прямом значении «сильная морская буря»: «Радуйся, обураваемых тихое пристанище; радуйся, утопающих известное хранилище. Радуйся, плавающих посреде пучин добрый кормчий; радуйся треволнения морская управляющий» (икос 7). Текст приводится по изданию: Акафистник: в 2 т. / общ. ред. митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. М.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. С. 188.

- ¹⁴ Минея: октябрь. С. 299.
- ¹⁵ Жития святых, празднуемых Православною Греко-Российскою Церквю... С. 521–523. Мы обращаемся к житиям святых, чтобы проникнуть в слова молитв, увидеть глубину их значений, оживить память о святых, к которым обращены эти молитвы. В этом мы идем по следам самого А. С. Пушкина, внимательно читавшего Четьи Минеи и взявшего их с собой в Болдино осенью 1830 года.
- ¹⁶ Слово сочетание «треволнение мук» встречается также в Каноне мучеников Онисифора и Порфирия, память которых приходится на 9 ноября по старому стилю. «Мученики Онисифоръ и Порфирій пострадали въ III вѣкѣ, при Диоклитіанѣ. Во время гоненія представили ихъ на судъ и за отказъ поклониться идоламъ привязали къ конямъ. Коней погнали, и святыя мученики, влачимыя конями, скончались» (Жития святых, празднуемых Православною Греко-Российскою Церквю... С. 566–567). В Каноне сказано, что мученики «треволнение мук мужески отразиша» (Минея: ноябрь. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. Ч. 1. С. 261), то есть не чувствовали от ран болезней и не поколебались в вере, претерпев тяжелые испытания.
- ¹⁷ Минея: июль. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. Ч. 2. С. 69.
- ¹⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. С. 96–97.
- ¹⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 739–740.
- ²⁰ «Мученики Прокль и Иларій пострадали при Траянѣ, въ концѣ I и въ началѣ II вѣковъ, въ г. Калиптѣ, близъ Анкиры. Правитель Максимъ хотѣлъ заставить Прокла отречься отъ Христа и жестоко мучилъ его съ этою цѣлю. Случилось, что, когда Максимъ переѣзжалъ съ Прокломъ изъ одного города въ другой, лошади съ повозкою остановились и никакъ не могли сдвинуться съ места. Св. Прокль объявилъ, что повозка пойдетъ впередъ только тогда, когда Максимъ напишетъ исповѣданіе вѣры во Христа. Максимъ согласился на это, и повозка пошла. Но Максимъ приписалъ чудо волшебству и сказалъ, что онъ испыталъ могущество Прокла, а теперь самъ покажетъ ему свою собственную силу и заставитъ его отречься отъ Христа. Прокла жестоко мучили, но онъ терпѣлъ всѣ мученія; наконецъ, его обезглавили. Иларій былъ племянникомъ Прокла. Воодушевившись примѣромъ дяди, онъ объявилъ себя христіаниномъ, и его также мучили и убили» (Жития святых, празднуемых Православною Греко-Российскою Церквю... С. 340–341).
- ²¹ Минея: ноябрь. С. 247.

Список литературы

1. Анастасий (Грибановский), митрополит. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви // А. С. Пушкин: путь к Православию. — М.: Отчий дом, 1996. — С. 66–129.
2. Андреев И. М. А. С. Пушкин: основные особенности личности и творчества гениального поэта // А. С. Пушкин: путь к Православию. — М.: Отчий дом, 1996. — С. 7–65.
3. Дунаев М. М. Православие и русская литература: учебное пособие для студентов духовных академий и семинарий: в 5 ч. — М.: Христианская литература, 1996. — Ч. 1. — 320 с.
4. Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. — Кн. 1. — 195 с.
5. Мальчукова Т. Г. Корабль поэзии: к вопросу об источниках пушкинских морских образов // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII–XIX вв.: сб. ст. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. — С. 231–268.
6. Мальчукова Т. Г. О Пушкине как родоначальнике русской классической литературы // Россия и Греция: диалоги культур: материалы III Международной конференции. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. — Ч. 1. — С. 40–43.
7. Мальчукова Т. Г. Пушкин и Гомер: к вопросу о рецензии и рецепции гомеровского эпоса // Россия и Греция: диалоги культур: материалы I Международной конференции. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. — Ч. 1. — С. 5–68.
8. Миллер Т. А. Образы моря в письмах каппадокийцев и Иоанна Златоуста: опыт сопоставительного анализа // Античность и современность: к 80-летию Федора Александровича Петровского. — М.: Наука, 1972. — С. 360–369.
9. Франк С. Л. Религиозность Пушкина // А. С. Пушкин: Pro et contra: личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей: антология: в 2 т. — СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. — Т. 2. — С. 96–111.

Evgeniya S. Kuikina

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

egene@list.ru

THE CONCEPT OF “TREVOLNEN’E” (ANXIETY) IN THE POETRY OF A. S. PUSHKIN

Abstract. The article examines the Ancient and Christian traditions in Pushkin’s poem “Elegy” of 1830 by means of etymological analysis of the word “trevolnen’e”, which is traditionally interpreted as a characteristic of the emotional state of a lyrical character that is “strong excitement”, “anxiety”. The article expands the knowledge concerning the etymology of the word “trevolnen’e” which literally means “third wave” from the Greek “τρικυμία”. The history of evolution of the word from the Ancient times to the modern poetic tradition and acquisition of its new metaphorical meanings is of interest. There are examples of the use of the word “trevolnen’e” and other sea images in the texts of Ancient authors, the works of the early Christian writers and teachers of the Church. Russian verbal culture was the successor of the Ancient World and Christianity. The article gives the examples of the perception of the Greek word “τρικυμία” in the liturgical texts of the Russian Orthodox Church. Pushkin took into consideration the variety of meanings of the word “trevolnen’e” and joined together the Ancient and Christian traditions in his poem “Elegy”.

Keywords: Pushkin, “Elegy”, ancient and Christian traditions, marine images, etymology, semantics

References

1. Anastasiy (Gribanovskiy), mitropolit. Pushkin v ego otnoshenii k religii i Pravoslavnoy Tserkvi [Pushkin in Light of His Attitude to Religion and the Orthodox Church]. *A. S. Pushkin: put’ k Pravoslavliyu* [A. S. Pushkin: A Way to Orthodoxy]. Moscow, Otchiy dom Publ., 1996, pp. 66–129.
2. Andreev I. M. A. S. Pushkin: osnovnye osobennosti lichnosti i tvorchestva genial’nogo poeta [A. S. Pushkin: The Main Features of the Personality and Work of the Great Poet]. *A. S. Pushkin: put’ k Pravoslavliyu* [A. S. Pushkin: A Way to Orthodoxy]. Moscow, Otchiy dom Publ., 1996, pp. 7–65.
3. Dunaev M. M. *Pravoslavie i russkaya literatura: uchebnoe posobie dlya studentov dukhovnykh akademiy i seminariy: v 5 chastyakh* [Orthodoxy and Russian Literature: A Textbook for Students of Spiritual Academies and Seminaries: in 5 Parts]. Moscow, Khristianskaya literatura Publ., 1996, part 1. 320 p.
4. Mal’chukova T. G. *Antichnye i khristianskie traditsii v poezii A. S. Pushkina* [Antique and Christian Traditions in Pushkin’s Poetry]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1997, book 1. 195 p.

5. Maľchukova T. G. Korabl' poezii: k voprosu ob istochnikakh pushkinskikh morskikh obrazov [The Ship of Poetry: The Question About the Sources of Sea Images in Pushkin's Poetry]. *Retseptsiya antichnogo naslediya v russkoy literature XVIII–XIX vv. [Reception of Antique Heritage in Russian Literature of the 18th and 19th Centuries]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2009, pp. 231–268.
6. Maľchukova T. G. O Pushkine kak rodonachaľnike russkoy klassicheskoy literatury [About Pushkin as the Founder of Russian Classical Literature]. *Rossiya i Gretsija: dialogi kul'tur [Russia and Greece: A Dialogue of Cultures]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, part 1, pp. 40–43.
7. Maľchukova T. G. Pushkin i Gomer: k voprosu o retsenzii i retseptsii gomerovskogo eposa [Pushkin and Homer: On the Question of the Review and Reception of Homer's Epic]. *Rossiya i Gretsija: dialogi kul'tur [Russia and Greece: A Dialogue of Cultures]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2006, part 1, pp. 5–68.
8. Miller T. A. Obrazy morya v pis'makh kappadokiytsev i Ioanna Zlatousta: opyt sopostavitel'nogo analiza [Sea Images in Letters of the Cappadocian and of John Chrysostom: The Experience of Comparative Analysis]. *Antichnost' i sovremennost': k 80-letiyu Fedora Aleksandrovicha Petrovskogo [The Ancient World and Modern Age: The 80th Anniversary of Fyodor Aleksandrovich Petrovsky]*. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 360–369.
9. Frank S. L. Religioznost' Pushkina [Religious Commitment of Pushkin]. *A. S. Pushkin: Pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Aleksandra Pushkina v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya: v 2 tomakh [A. S. Pushkin: Pro et Contra: Personality and Creativeness of Alexander Pushkin in the Eyes of Russian Thinkers and Researchers: in 2 Vols]*. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2000, vol. 2, pp. 96–111.

Дата поступления в редакцию: 28.09.2016